

Ду Чэнь незримо провел два года старшей школы под опекой и строгим надзором Фан Цзяхуая — благодаря его красивому и аккуратному почерку. В праздники и свободные дни их семьи собирались вместе на обеды, и всякий раз Отец Ду и Мать Ду демонстрировали окружающим идиллию, не позволяя соседям из квартиры напротив заметить, что на уме у них было совсем другое. Успехи Ду Чэня в учебе были неплохи, но Фан Цзяхуай учился на класс старше, знал больше и продвигался быстрее, из-за чего в душе Ду Чэня то и дело поднималась волна беспокойной тревоги.

Ду Чэнь прекрасно понимал, что дружба между их семьями держится прежде всего на соседстве и на их сыновьях. В глубине души он смутно предчувствовал, что родители вот-вот официально объявят ему о своем разводе; он боялся, что после сдачи экзаменов они из соображений приличия сразу же съедут, а еще страдал от страха, что Фан Цзяхуай, уехавший из дома раньше, оставит его позади, а оставленного постепенно забудут.

Он не хотел этого. Он хотел, чтобы Фан Цзяхуай запомнил его накрепко.

Поэтому в предпоследнем классе школы Ду Чэнь учился как безумный, латая свой хромающий предмет под названием китайский язык, но в то же время неизменно норовил перечить Фан Цзяхуаю. Он делал это нарочно, однако четко контролировал степень своего бунтарства, усердно поддерживая образ надоедливой паренки из соседней квартиры, и частенько доводил Фан Цзяхуая до досады, хотя тот и не мог сказать ему ничего сурового. В семестре перед самым выпуском Фан Цзяхуай испытывал огромный стресс и на тех редких двух совместных обедах выглядел совершенно отрешенным, однако стоило Ду Чэню завести какую-нибудь чепуху, как он охотно поддерживал болтовню.

Замкнув предпоследний класс, летом перед выпуском Фан Цзяхуай поступил в Университет А, находившийся более чем за тысячу километров от дома.

Лето перед последним годом школы едва ли можно было назвать каникулами — скорее, передышкой перед бурей, но Ду Чэнь упрямо настоял на том, чтобы пойти пообедать вместе с семьей Фан Цзяхуая. За столом Ду Чэнь покачивал бокал для красного вина, наполненный колой, и легкомысленно заявил, что в будущем последует за Фан Цзяхуаем и поступит в вуз как минимум того же уровня, что и Университет А.

Наполовину шутка, наполовину чистая правда.

На самом деле к тому моменту он уже втайне всё для себя решил. Вот только раньше отец требовал, чтобы он поступал в ключевую старшую школу в соседнем городе, мол, близко к дому и удобно возвращаться, а со временем можно будет научиться управлять семейным бизнесом. Ду Чэнь вовсе не собирался потакать этому лицемеру: на словах он согласился, но втайне твердо решил ехать в Университет А. Опасаясь за репутацию отца во время застолья, он не стал открыто бросаться фразами вроде «я улетаю далеко-далеко».

День окончания школы выдался на редкость солнечным. Ду Чэнь вернулся в класс, вместе с группой добровольцев убрался в помещении, после чего поднялся в общежитие, чтобы

привести в порядок вещи. Волоча чемодан, с сумкой на плече и рюкзаком за спиной, со всеми своими пожитками он направился к школьным воротам. Небо уже окрасилось в тихий синий оттенок, и под этим куполом он заметил стоявших у выкидного входа родителей.

— Чэнь-чэнь, вы отлично потрудились на экзаменах, сегодня дома повар приготовил столько всего вкусного! — Мать Ду расплылась в улыбке, но за ней явственно скрывалась неискоренимая усталость.

Ду Чэню вдруг разонравилось играть с ними в театр. Молча приняв из отцовских рук сумку и глядя, как три года сладости и горечи утрамбовывают в багажник машины, он обрушил на ровное место удар грома:

— Вы ведь давно расстались, да?

Отец Ду и Мать Ду тут же замерли с полудвижения.

Такая реакция вполне укладывалась в расчеты Ду Чэня. Тихо усмехнувшись, он вспомнил о другой вещи, которая не давала ему покоя:

— ...Эту квартиру, в которой мы сейчас живем, можно не продавать?

Отец Ду и Мать Ду — или, если быть точным, Ду Лянсяо и Чэнь Сюэин — услышав это, неожиданно выглядели так, словно с их плеч свалился огромный груз.

У Ду Лянсяо в городе С было куда больше одной квартиры. В выпускном классе Ду Чэнь почти не бывал дома и понятия не имел, как на самом деле складывается жизнь его биологических родителей. Отец перевел на счет сына крупную сумму денег и в тот же вечер, сразу после ужина, спешно съехал из старого жилья. У него уже появилась новая возлюбленная, и раз уж сын давно раскусил их треснувший брак, изображать из себя счастливую семью больше не было ни малейшего желания.

Чэнь Сюэин осталась дома, чтобы поужинать с Ду Чэнем. Весь стол ломился от блюд, которые она велела повару приготовить специально потому, что их любил сын. Глядя на этого ребенка — на семь десятых похожего на нее саму, но выражениями лица невероятно напоминающего Ду Лянсяо, — она долго подбирала слова, прежде чем заговорить:

— Чэнь-чэнь, я нашла новую работу на родине, на севере.

Движения Ду Чэня, убирающего посуду, на мгновение замерли:

— Вот и отлично, поздравляю.

— ...Мама знает, что тебе тяжело на душе, — Чэнь Сюэин виновато посмотрела на сына. — Ты ведь и совершеннолетним стал всего пару месяцев назад, но... когда мама смотрит на тебя, она не может не вспоминать о нем.

Ду Чэнь прекрасно знал, кого именно Чэнь Сюэин называла этим словом. Он просто смотрел на ее бескровное лицо, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел.

Вздохнув, он приблизился к матери и хрипло произнес:

— Я знаю. Я тоже его ненавижу. Ты не виновата, мам... Едишь — поезжай, я ведь уже совершеннолетний.

Глядя на то, как озорной мальчишка из ее воспоминаний незаметно стал таким взрослым и понимающим, Чэнь Сюэин не смогла сдержать слёз, покотившихся по ее осунувшемуся лицу:

— Прости, Чэнь-чэнь... Мама перед тобой виновата... С этих пор я больше не его жена, но если ты захочешь, я всегда буду твоей мамой... — Она протянула руки и дрожащим обещанием прижала к себе сына, выросшего намного выше нее.

На рассвете следующего дня Чэнь Сюэин оставила записку, а затем тоже покинула этот дом, возвратившись к собственным родителям.

Проснувшись, Ду Чэнь долго лежал на кровати, глядя в потолок. Внутри зияла пустота, и ему вдруг показалось, что в этом доме и даже во всем городе С больше не осталось ничего, ради чего стоило бы оставаться.

Ворочась с боку на бок, он запоздало вспомнил, что телефон, запертый перед экзаменами в кабинете отца, судя по всему, снова разблокирован. Вскочив с постели, он отыскал аппарат, включил его и зашел в чат с Фан Цзяхуаем в WeChat.

Последний раз они обменивались сообщениями еще на Первое мая: тогда Фан Цзяхуай наговорил ему несколько голосовых с разбором задач по математике. На прощание они обменялись поздравлениями с праздником и пожеланиями удачи на экзаменах, после чего Ду Чэнь предупредил, что телефон у него вот-вот отберут и в следующий раз они, судя по всему, увидятся уже после выпуска. Разумеется, после этого Фан Цзяхуай больше не писал, чтобы не отвлекать.

Ду Чэнь по очереди прослушал все голосовые сообщения от Фан Цзяхуаи. С улыбкой дослушав знакомый чистый и звонкий голос, он затем несколько раз подряд прокрутил тот фрагмент, где Фан Цзяхуай в ответ на его намеренно глупые вопросы раздраженно бросал: «Ду Чэнь, у тебя вообще есть мозги в голове?», и смеялся так, что катался по спальне в полном одиночестве.

Насмеявшись, он постепенно выравнивал дыхание. Спустя немного времени Ду Чэнь с предельно

серьезным выражением лица нажал кнопку записи и медленно произнес:

— Цзяхуай, братец, я закончил школу, до встречи в июле.

Стоило отпустить палец, как голосовое улетело адресату.

Кто же знал, что в ответ Фан Цзяхуай заявит, будто остается в университете на весь июль. Это так разозлило Ду Чэнь, что он чуть было не купил билет на самолет до города А. Но, остыв, он счел эту затею опрометчивой: хоть Чэнь Сюэин каждый месяц и переводила ему деньги на карманные расходы, а крупная сумма от Ду Лянсяо лежала в неприкосновенности, деньги имеют свойство заканчиваться, и разбрасываться ими попусту не стоило.

Куда важнее было то, что он еще не до конца переварил ощущение собственной полной изоляции и одиночества и боялся, что при встрече с Фан Цзяхуаем вывалит всё разом, а это выглядело бы довольно жалко.

К тому моменту Ду Чэнь уже успел под видом сладких речей выбить у Ду Лянсяо бюджет на августовскую поездку, а потому понимал, что увидеться с Фан Цзяхуаем летом вряд ли удастся. Поразмыслив, он не стал прямо говорить о своем намерении поступать в Университет А, а лишь настучал пару строчек: Увидимся в не столь отдаленном будущем!

Фан Цзяхуай, судя по всему, решил, что он снова преувеличивает, прислал эмодзи в знак того, что понял, и добавил, что вернется домой примерно в августе.

Отложив телефон и думая о будущем, Ду Чэнь вдруг почувствовал, что в жизни появилось куда больше поводов для надежды.

Тогда-то он отчетливо и понял: всё его чувство привязанности к городу С держалось исключительно на существовании Фан Цзяхуая.

Глава 11. Рубашка в красную клетку

Расписание занятий Фан Цзяхуая в этом семестре можно было охарактеризовать одним словом: плотное.

Поступив на первый курс по общему математическому направлению на факультет математики, на втором курсе он должен был выбрать конкретную узкую специализацию. Фан Цзяхуай отдал предпочтение статистике, которая отлично подходила для междисциплинарного применения. По сравнению с прошлым годом новые профильные дисциплины поднялись на совершенно другой уровень сложности и глубины.

С понедельника по пятницу пары начинались ровно в восемь утра, а первая пара после обеда стабильно отводилась под профильные предметы, так что ноги буквально гудели от усталости.

Требования к себе у него извечно были высоки: опасаясь, что стоит ему прилечь на кровать, как подниматься уже не захочется, а общежитие и учебные корпуса находились друг от друга через дорогу — путь туда и обратно отнимал немало времени, — он понимал, что свободного часа на дневной сон почти не оставалось.

В этом семестре после обеда он уходил отдыхать в комнату отдыха на первом этаже библиотеки. Если же сроки сдачи курсовых работ совпадали с общественной нагрузкой в студенческом совете, от дневного сна приходилось и вовсе отказываться.

На математическом факультете Фан Цзяхуай каждый день проживал жизнь, по сложности не уступающую пятому году старшей школы. Ду Чэнь же в роли первокурсника наслаждался полной свободой. Хотя базовых предметов на экономическом факультете набралось немало, их расписание не выглядело сплошной стеной, а еженедельных обязательных домашних заданий и вовсе не существовало. Ду Чэнь записался в музыкальный клуб и радовался жизни: в свободное от пар время он либо сидел в библиотеке, пролистывая самую разную беллетристику, либо бегал в студенческий центр петь и играть на инструментах, а вечерами в общежитии трепал свою красную гитару, источая вид сущего бездельника, чему Фан Цзяхуай втайне завидовал.

В октябре в университете должна была пройти легкоатлетическая спартакиада. И хотя студенческие спортивные мероприятия обычно никого не интересовали, кроме самих спортсменов и их близких друзей, Фан Цзяхуай как начальнику организационного отдела студенческого союза приходилось корпеть над составлением плана-проекта для отчета.

На этот раз ему снова пришлось пожертвовать дневным сном, чтобы с тяжелой от недосыпа головой сидеть в библиотеке над составлением концепции и выполнением многочисленных заданий.

Помимо профильных предметов, в этом семестре Фан Цзяхуай взял факультатив по общему образованию под названием Введение в классическую литературу. По условиям этого курса после Национального праздника требовалось сдать отчет о прочитанном, и он, прикинув, что на праздниках наверняка отправится куда-нибудь развлекаться, набросал для себя расписание и тоже принялся за подготовку.

На третьем этаже библиотеки располагался читальный зал литературы. Стройными рядами там тянулись темно-красные книжные стеллажи, ломившиеся от бескрайнего моря томов. На экране телефона Фан Цзяхуай красовался шифр книги, который он только что нашел в официальном аккаунте библиотеки, и сейчас его глаза внимательно и сосредоточенно шарили по корешкам книг в текущем ряду.

Вот она! Фан Цзяхуай заметил то, что искал.

Стоило ему протянуть руку и снять нужный том с полки, как он заметил, что книга на противоположной стороне стеллажа едва заметно качнулась, а затем ее резко вытянули, явив в образовавшемся просвете пару знакомых персиковых глаз.

Ду Чэнь?

Фан Цзяхуай никак не ожидал такой случайности. Он успел лишь заметить, как глаза напротив мгновенно изогнулись полумесяцами. Выпрямившись во весь рост, Ду Чэнь осторожно, стараясь не шуметь, прижал к себе только что добытую книгу и, утрированно изобразив губами слово «сюрприз», молнией обогнул стеллаж, оказавшись прямо перед Фан Цзяхуаем.

Раз уж они случайно встретились, значит, была в этом какая-то судьба. Фан Цзяхуай легко ткнул Ду Чэня в плечо, жестом приглашая присесть вместе.

Ду Чэнь закивал головой так усердно, будто клювал зерно, и, подталкивая Фан Цзяхуая в спину, потребовал, чтобы тот вел за собой — выглядел он так, будто боялся, что старший передумает и прогонит его.

<http://bllate.org/book/28056/3396413>